

Чувствительный и добродетельный Мобре женат на ветреной и легкомысленной женщине. Среди ее поклонников и сын лорда, «Лилипутский Селадон», как называет его, отступая от оригинала, Карамзин. Вообще в переводе этот персонаж вышел уродливее и женоподобнее, чем у Бейджа.

Однажды Мобре застал приятеля своей жены в ее спальне. «Лилипутский Селадон» стоял на коленях на табурете перед госпожой Мобре и... румянил ее. При виде господина Мобре «кавалер <...> потерял равновесие и упал на землю». В оригинале ситуация имеет менее «достойный» вид: кавалер румянит даму, сидя у нее на коленях, а она «обхватила его руками, конечно же для того, чтобы он не свалился».

В поединке оба соперника тяжело ранят друг друга. От всего пережитого Мобре заболевает нервным расстройством, и его помещают в психиатрическую лечебницу. Только через два года он возвращается домой и тогда окончательно порывает с женой. В сопровождении верного слуги Мобре отправляется в заграничное путешествие и приезжает во Францию. Он хочет посетить «самые дальние страны», чтобы собрать материалы и разработать закон о том, как избавить хорошего мужа от плохой жены, а хорошую жену от плохого мужа. Мобре намерен представить свой проект на рассмотрение обеих палат английского парламента, и принятие этого проекта, по мнению Мобре, будет содействовать счастью человечества.

Эпизод завершается тем, что Джордж, выслушав рассказ Мобре, спрашивает затем его слугу и узнает, что Мобре так и не излечился от психического расстройства. Добрый слуга вынужден обещать своему хозяину поездки в разные страны, но твердо намерен увести его не далее юга Франции.

Почему заинтересовал Карамзина именно этот эпизод?

Приступая к составлению «Пантеона иностранной словесности», Карамзин писал о своих планах: «Посмотрим, каково будет Цицероново, Бюффоново, Жан-Жаково красноречие на Русском языке! Меж тем и не все для слога; многое помешу в этом цветнике и для любопытства, для исторических сведений, для женщин, из новых журналов, из книг не очень известных»²⁹.

Может быть, Карамзин приводит отрывок из романа Бейджа просто для «любопытства», «для женщин»? Вероятней всего, это не совсем так.

Тема супружеской неверности, достаточно актуальная для русского дворянского общества екатерининских времен, занимала Карамзина еще в начале 90-х годов. Трактовка ее претерпела в творчестве русского писателя определенную эволюцию. Так, в драматическом отрывке «София» («Московский журнал», 1791 г., июнь, июль) Карамзин изображает страсть как стихию, которую невозможно обуздать, а саму героиню, оставившую мужа ради любовника, как натуру возвышенную.

В позднейших повестях Карамзина: «Юлия» (1796), «Моя исповедь» (1802), «Чувствительный и холодный» (1803) — любовь перестает быть всепоглощающей страстью, она должна подчиняться рассудку и чувству долга.

В эпизоде из романа Бейджа, который Карамзин поместил в «Пантеоне», отчетливо прослушиваются назидательные ноты. Печальная судьба человека, несчастного в супружестве, спор Мобре с отцом своего соперника, лордом, о преимуществах более строгих английских нравов перед французскими и, наконец, рассуждения Мобре о большей свободе разводов, которая должна облегчить участь таких несчастных, как он, — все это обладает определенной поучительностью. Однако, как и в повестях самого Карамзина, дидактика этого отрывка не столь уж прямолинейна. Она смягчена рассказанной выше комической сценкой, а также и тем, что разговоры о новом и в общем разумном законопроекте ведет, как оказывается,

²⁹ Цит. по статье: Поливанов Л. Очерки жизни и литературной деятельности Н. М. Карамзина. — В кн.: Карамзин Н. М. Избр. сочинения. Под ред. Л. Поливанова. М., 1884, ч. I, с. XIII.